

Миша еще лежал с закрытыми глазами, когда хлопнула входная дверь — и в доме стало тихо.

Мама с отчимом уходят в семь часов утра — как раз тогда, когда ему с братом надо вставать в школу, — но сегодня их никто не разбудил, и вставать Миша не хотел вообще. Он открыл глаза, перевернулся на кровати и посмотрел в окно. Сквозь грязные стекла был виден мутный рассвет — окна выходили на восток.

Его с братом кровать была двухэтажной, и он, как младший (хотя младше был всего на один класс), спал наверху — и каждое утро, просыпаясь от яркого света, накрывался с головой одеялом и долго лежал, прислушиваясь к шорохам в квартире.

Он открыл глаза — солнце уже было высоко, — но вставать все равно не хотелось. Тем более идти на первый урок.

Он отвернулся от окна и попытался заснуть опять. Но тут его толкнул брат.

— Ты вставать будешь?

— Отвали.

Брат ничего не ответил, поднялся и пошел умываться.

Где-то замыкала кошка — видимо, ее случайно заперли на кухне, и она, увидев Сережу, запросилась в комнату. Сережа открыл дверь, пустил кошку и ушел опять.

Кошка — белая и пушистая — прыгнула к Мише на кровать, но он оттолкнул ее — и она спрыгнула вниз и, улегшись на голом полу, стала умываться.

Послышался шум — это брат наливал из крана воды в чайник. Мише захотелось есть. Он вспомнил, что ел последний раз вчера в школе — выменял на обеденный талон чипсы. Потом, на улице, девчонка дала квадратик шоколадки. Дала не ему, конечно, но пацаны поделились. И все — пришел уже поздно, никого будить не стал, да и мать бы орала. И сейчас урчал живот, и мутило при мысли о нормальной еде.

Миша протянул руку, толкнул дверь.

— А что поесть?

— Макароны, — отозвался Сережа.

— А хлеб есть?

— Хлеба нет. Черный только. Но это надо дяде Володе оставить.

— Погрей, а.

Сережа загремел сковородками.

— Ты вставать будешь?

— Ща.

Есть захотелось сильнее при мысли о макаронах, и Миша не спеша поднялся. Случайно задел кошку ногой, она мякнула, он хотел пнуть ее, но не стал и босиком, в одних трусах пошел на кухню.

Там Сережа уже грел рожки, налив в сковородку столько масла, что они стали рыжими, но пахли так вкусно, что Миша не выдержал, открыл крышку сковородки и, обжигаясь, руками схватил одну маленькую макаронину.

— Умойся, — сказал ему брат.

— Да ну.

Но пошел в ванную.

Сережа уже поел и оделся, пока Миша умывался, хотя скорее не умывался, а делал вид, рассматривая свое лицо в грязном замыленном зеркале. На кафеле стоять было холодно, и он переминался с ноги на ногу. Пригладил темную короткую, на полбба, челку привычным быстрым жестом, ополоснул шею водой, как делал дядя Володя, сплюнул в раковину горькую с утра слюну.

И посмотрел на себя еще раз. Тощий, невысокий, ниже почти всех девчонок в классе, еще даже без щетины, хотя кто-то у них уже брился. «Смотреть не на что», — как иногда говорила мать.

— А, да ну, — сказал себе еще раз.

Когда он вышел, макароны уже нагрелись и были выключены, и остывали в сковородке. Кошка потерлась о его ноги, прося есть.

— А чем ее? — крикнул Миша брату.

— Не знаю. Дай чего-нибудь. Ты в школу пойдешь?

— На первый точно не пойду.

— А что у тебя?

— Русский вроде.

— На русский иди.

— А посмотри в дневнике. Я вчера расписание вроде писал.

— А где он?

— В рюкзаке где-то.

Сережа покопался в рюкзаке, нашел.

— Физика, — крикнул он.

— Блин... — протянул Миша. — Не, не пойду.

— Ладно.

Сережа обулся и выключил в коридоре свет.

— Хлеб не съешь! — крикнул он.

— Давай, вали уже.

Миша открыл сковородку — макароны выглядели теперь не так вкусно и вызывали скорее отвращение. Есть их уже не хотелось, но другой еды не было, а уходить на целый день из дома голодным не хотелось тоже. Миша порылся в раковине, полной грязной посуды, нашел ложку, тщательно вытер ее о полотенце и сел есть. Ел прямо из сковородки, потому что искать еще и тарелку не хотелось.

Кинул пару ложек макарон кошке на пол, но она понюхала их и отвернулась.

— Только зря на тебя перевел.

Макароны, хотя и были противны на вкус, быстро кончились, Миша поскреб жареные остатки, но их оказалось не так много.

Тогда Миша взял хлеб дяди Володи и соскреб им остатки масла. Хлеб оказался вкуснее всего — и он доел его весь.

Миша придвинулся к самому окну — из кухни хорошо были видны ворота заброшенного завода, имени какого Ухтомского, стоявшего вот в таком виде всегда — сколько Миша себя помнил. Разбитые окна первых этажей и проходная, заставленная машинами. На этом заводе, из которого сделали временный склад для

всякого барахла, типа запчастей, они с пацанами проводили все свое свободное время. Но сейчас этот завод, эта полумертвая махина, и это мутное утро наводили на Мишу тоску.

— А, да ну, — сказал он опять сам себе, вспоминая пропущенную первую физику.

И все смотрел на это разгорающееся утро в грязные окна своей маленькой кухни, пропахшей прогорклым маслом.

2

— Ну и откуда ты?

Миша столкнулся с классным руководителем — молодой, выглядевшей едва ли старше самого Миши — почти лоб в лоб на этой дурацкой лестнице, ведущей на третий этаж. И тут же выругался про себя за то, что не прошел через началку. Но ведь он знал, что ей сегодня только к третьему уроку, — и зачем она пришла в такую рань?..

Ее расписание Миша знал лучше своего — впрочем, как и все в их классе.

— Я проспал.

— Будильника нет, да?

— Есть.

— Мама не разбудила, да?

— Да нет. Будила.

— Может, мне тебя будить?

— Не надо.

И тут Миша вспомнил, что она обещала всю неделю приходить к ним на первые уроки, после срыва этого искусства в пятницу. И самое обидное, что он его как раз не срывал. Он на нем тогда вообще не был.

— Мама знает?

— Знает.

— А если я позвоню?

— Звоните.

Миша ухмыльнулся, зная, что она не позвонит. А если и позвонит, то мать не возьмет трубку. Она никогда не берет трубку, если звонят из школы.

— Ладно, давай дневник и держи талон на обед. Сегодня твоя очередь.

У Миши даже забилося сердце. Талон на обед — это самое ценное, что есть в школе. За талон он готов отдать не то что дневник, а свою правую руку. И Миша радостно, что так легко отделался, полез в рюкзак. Но дневника там не было. Он порывлся еще и вспомнил, что, наверное, оставил его в коридоре, когда Сережа смотрел расписание.

— Блииин... — протянул Миша.

— Опять?

— Ну правда...

— Нет дневника — нет талона.

— Блииин...

— И не ругайся.

Миша замолчал, чтобы не сказать еще чего-нибудь.

— Мама сейчас работает?

Миша кивнул.

— А отчим?

Кивнул опять.

Она вздохнула.

— А ты когда учиться будешь? Доставай что у тебя в портфеле.

Миша опять ухмыльнулся. Портфель. Разве можно назвать портфелем то, что было у него сейчас в руках. Этот грязный, рваный в нескольких местах и незащитый рюкзак. Миша вывалил из него все, что там было. Но было у него там немного — две толстые тетрадки, одна черная ручка, карандаш — и откуда-то учебник по ОБЖ, которого сегодня и не должно быть.

Классная заглянула в помятый рюкзак, побрезговав взять его в руки.

— Я есть хочу, дайте талон, — наконец сказал Миша.

И она молча протянула квадратную бумажку, на которой было написано: «льготное питание».

Миша спрятал талон в самое надежное место — задний карман джинсов — и стал закидывать свои вещи обратно в сумку.

— Спасибо где? — спросила классная.

Миша уже и забыл про нее. Но сказал:

— Спасибо.

Не то чтобы ему был очень нужен этот обед, просто талон — это валюта. Его можно продать. Его можно обменять. Его можно поставить на кон в карты. В общем, сделать с ним все, что хочешь. И упустить его значило для Миши и еще для пары счастливиц — прожить день зря.

— И, кстати, твое сочинение.

Она достала из пачки тетрадей его, подписанную коряво черной ручкой.

Миша открыл тетрадь. Вся страница была исчеркана красным цветом.

— Посчитай, сколько у тебя ошибок. Я устала их исправлять. Как пишется «Ча-Ща»? Это же первый класс.

Миша сунул тетрадь в рюкзак. Прозвенел звонок.

— Все?

— Все. Иди.

Он побежал наверх, перепрыгивая через две ступеньки, чувствуя, что она все еще стоит на лестнице и смотрит ему вслед.

Вторым уроком была алгебра.

Алгебру не учил и не понимал никто, кроме трех хорошистов. Им нужны были эти несчастные четверки — и они из урока в урок садились на первые парты, смотрели математичке в рот и писали весь бред, который она им диктовала. Но Миша в их числе не был. Его задача была куда сложнее — отсидеть так, чтобы тебя не заметили. И он сел на последнюю парту и загородился сумкой.

— Ты че на физике не был?

Димка влетел в класс, кинул свою сумку рядом с Мишей и хлопнул его по плечу.

— Проспал, — сказал Миша.

— У нас классная была.

— Я ее уже видел.

— И че?

— Ниче.

— Дай талон, а?

— Не. Сам есть хочу.

— Ну продай.

— Не. Есть хочу — сказал же.

— Ну ты крыса, блин.

Димка пересел через парту от Миши и достал планшет.

Миша смотрел через плечо Димы — как бегают по экрану какие-то фигурки.

— Че за игра?

— Не знаю. Скачал вчера. Кинуть тебе?

— Не.

У Миши не было планшета. Мать обещала купить приставку, если закончит год без двоек, но физика и математика подвели, поэтому приставка обломалась. Да она уже и не модная — никто с такими приставками давно не ходит. И Миша отвернулся к окну, чтобы эти фигурки не мелькали у него перед глазами.

Зашла математичка. Все встали. Начался урок.

Она написала число на доске. Тему. Потом села на свое место, открыла журнал.

— Прохоров здесь?

— Нет, — ответил Прохоров и сам же рассмеялся своей шутке.

Класс пока молчал. Она всегда начинала урок с домашнего задания. И первые десять минут в классе стояла тишина — никто не хотел привлекать к себе внимание.

— Не смешно, Прохоров. Домашнее задание.

Все напряглись еще больше — знали, что Данил не делает задание никогда, и на первой физике была контрольная, а значит, списать его не успел, а значит, все еще под прицелом.

— Я не сделал, — так же весело сказал Прохоров.

— Почему?

— Я не смог.

— А когда ты делал его последний раз? Какое число у тебя стоит в тетради?

Он полистал тетрадь.

— Четырнадцатое сентября.

— А сегодня какое?

— Двадцать седьмое..

— Два.

И она поставила первую оценку за этот урок.

— Открыли все тетради, я пройду, распишусь.

— Блин, ты че, списать не мог, из-за тебя все.

Дима всегда громко возмущался, теперь после собрания ему попадает от матери за каждую двойку, а списать алгебру сегодня он не успел тоже.

Математичка не спеша встала из-за стола и пошла по рядам. Быстро расписалась в тетрадях хорошистов, даже не взглянув в них. Пошла дальше, ставя в дневники двойки, выслушивая без особого интереса надоевшие ей одни и те же оправдания. Класс постепенно стал просыпаться и шуметь — терять уже было нечего.

Наконец, дошла до Миши. Он смотрел в окно и совершенно не думал о том, что надо как-то оправдаться и что-то придумать. Он думал о том, на какой перемене ему выгодно сходить в столовую. Когда дают компот или когда дают какао. Компот хотелось больше, но компот иногда варит и мать. А какао она не покупает никогда.

— Примаков, тетрадь, — услышал Миша ее скрипучий голос рядом.

— Сейчас, — ответил он.

Порхнулся в рюкзаке, достал первую попавшуюся тетрадь. Оказалось — в линейку. Достал другую — в клетку.

— Открывай.

Открыл на чистой странице.

— Это что за тетрадь? По физике?

Она посмотрела на обложку. Обложка ничего не выражала. Обычная синяя обложка. И тетрадь была самая дешевая.

— Пиши число.

Написал число, положил ручку.

— А учебник?

Он опять полез в рюкзак.

— Забыл.

— Сядь к Лене.

— Я не буду с ним сидеть! — закричала Лена.

Класс сдержал смех.

— Тогда у кого два учебника на парте? Дайте ему.

Откуда-то пришел учебник. Миша открыл его на первой попавшейся странице и опять посмотрел в окно.

— Дневника тоже нет?

— Нет.

— Тогда два в журнал.

Мише это всегда казалось несправедливым. Ставить два только в дневник тем, у кого он был. И два сразу в журнал тем, у кого его не было. Кому-то это было выгодно. Например, Диме. Он мог неделями не говорить матери о своих двойках. До того, как классная выставит их все скопом. А Мише это было невыгодно. Потому что дневник его мать все равно не смотрела.

Математичка — старая, толстая, в тяжелых очках, со скрипучим голосом — вернулась на свое место. Начала писать на доске, иногда отрываясь и что-то объясняя. Миша поглядел по сторонам. Класс уже выдохнул. Пока она объясняет новую тему, можно расслабиться и ничего не делать.

И большинство занималось своими делами. Димка продолжал играть под партой в планшет. Даня сидел и улыбался сам себе, глядя мимо класса на доску. Девчонки во втором ряду перекидывались записками. Миша попытался посмотреть на доску — но все эти «иксы» сливались у него в одно единое целое, и он не мог разобрать, что именно ему писать. И он писал все, что успевал заметить, лишь бы от него отъездили.

И от этих цифр, от спокойствия, внезапно свалившегося на него, от всех утренних волнений он начал постепенно засыпать.

— Так чему равен «игрек», Примаков? — скрипучий голос опять вывел Мишу из транса.

Миша вздрогнул, посмотрел в свою тетрадь и назвал первую попавшуюся цифру.

— Трем?

— Дай мне свою тетрадь.

Этого он не любил. Идти через весь класс, показывать свою тетрадь. Все равно что голым выйти на улицу. Миша медленно, словно хотел потянуть время, встал и подошел к ней. Встал рядом с Леной на первой парте, она отодвинулась от него, демонстративно зажав нос, и захихикала. Миша привык не обращать на это никакого внимания, но сейчас ему стало обидно. За то, что спросила она именно его, и за то, что ему одному за домашнее задание поставили два в журнал, и за то, что эта девочка с длинными волосами, от которой чем-то приятно пахло, шарахается от него.

Он незаметно понюхал рукав своей кофты, но, кроме привычного запаха кошки, не учуял ничего.

— И где же твое решение? — математичка заглянула в самую тетрадь Миши, отчего у него даже замерло сердце и он инстинктивно начал загоразживать тетрадь рукой.

— Решение? — переспросил Миша.

Класс начал смеяться в голос, Миша заулыбался тоже, но как-то неуверенно.

— Я еще не решил.

— Ты издеваешься?

— Нет.

Миша начал краснеть, он и не думал издеваться, просто сегодня с утра день не задался.

— Да ты даже и не написал ничего. Где «икс», где «игрек»? Ничего непонятно.

— Как не написал — вот же.

— Но это же не то все. Это набор цифр, а не решение.

— Я не вижу с доски, — соврал Миша, хотя видел он прекрасно.

— Не видишь — иди на первую парту.

Миша посмотрел на первую парту — место было свободно только рядом с Леной, но та опять заорала:

— Я не буду с ним сидеть!

— Хочешь урок сорвать? — сказала математичка Мише.

— Нет. — И это уже была чистая правда.

— Или хочешь еще одну двойку?

— Нет. — И это тоже была правда.

— Садись.

Она отдала ему тетрадь, оставив его одного с этим непонятным «игрек».

Миша сел на свое место.

Димка повернулся к Мише.

— Ну ты даешь. Две пары за один урок.

— Отвали, — сказал Миша, лег на парту и уснул.

И разбудил его только веселый звонок — музыка из детской песенки.

«Учат в школе, учат в школе, учат в школе».

4

В столовой было шумно, мутно и жарко.

Миша кинул свой рюкзак на скамейку рядом с выходом, чтобы занять место, и встал в очередь за обедом.

Очередь уже была длинная — и было много старших классов, хотя их перемена следующая. А эта перемена только для седьмых и восьмых классов.

— Здорово, — кто-то хлопнул Мишу по плечу.

— Здорово, — Миша обернулся и увидел Кольку из параллельного класса.

— Че, как жизнь?

— Нормально. А ты че?

— Да есть охота. Нет талона?

— Нет, сегодня сам хочу.

— Давай разобьем.

— Ну давай.

— Какой класс? Девятый? Сейчас седьмые и восьмые едят, не знаете, что ли? — доносилось из столовой. — Следующий давай.

Миша протянул свой талон.

На обед был суп из лапши с курицей и картофельное пюре с сосиской.

— Ты что будешь? — спросил Миша у Коли.

— Не знаю. Суп что-то не хочу.

— Давай мне суп. А сосиску пополам.

— Давай.

Они сели рядом на лавочку. С ними сел Сережа. Он был в девятом, но выглядел гораздо младше — и его кормили в эту перемену.

— Серый, сгоняй за хлебом, — сказал Колька.

— Сам сгоняй, — ответил Сережа, но встал и пошел.

— И мне возьми, — крикнул ему Миша.

Сережа принес три куса белого.

— Я дома хлеб весь съел, — вспомнил вдруг Миша, — че делать?

— Ты чего? А дядя Володя?

— Давай из столовки стащим?

— А как вынести? Тут смотрят.

Все трое посмотрели на вход.

Там, у двери, стояли учителя и смотрели, чтобы все убрали за собой и не выносили из столовой еду.

— Меня по-любому досмотрят, — сказал Миша, — я сегодня уже накосячил.

— Я вне игры. — Коля доел пюре и отломил себе половину сосиски. — Мне еще один косяк — и все.

— Сереж? — Миша посмотрел на брата.

— Не, что-то страшно.

— Да ладно. Кто на тебя подумает? Ну стащи хоть пару кусков. Иди — типа за компотом.

Сережа встал, взял свою тарелку, пошел. Вернулся через пару минут.

— Не, не могу.

Миша пошел, подошел к тарелке с нарезанным хлебом.

— Ты чего? — окликнула его повариха и загородила хлеб руками. — Ты уже брал.

— Я компот. Я не брал компот.

— Ты брал компот.

— Не брал я. Вон, нету, — он указал на стол, где сидели Коля и Сережа. Компота там не было.

— Ну на, — она достала из-под прилавка стакан компота.

— А хлеб можно? Я его тоже не брал.

— Бери, — сказала она и убрала руки с тарелки.

Миша взял один кусок черного. Незаметно положил его в карман. Потом взял еще. И пошел к своим.

— Всё, — и выложил хлеб на стол.

— Ну ты, красава... — Колька откинулся на лавке, потирая живот.

Миша сунул куски хлеба в сумку, на самое дно, заложил учебником ОБЖ так, чтобы не помялись.

И под взглядами учителей — как под прицелом — вышел из столовой.

Осталось еще два урока — русский, на который не пойти было нельзя. И история — единственный урок, по которому у Миши никогда не было двоек. И день на сегодня был окончен. Оставшаяся физра уроком не считалась.

Русский у них вела классный руководитель — та самая, которую Миша встретил утром на лестнице. На русский ходили все. Не то чтобы ее все боялись или

особенно уважали, просто родители создавались именно с ней — и от того, что она скажет и какую оценку даст, зависело, какими будут выходные. С магазинами, новыми играми, ночевкой у друзей или же с уборкой и отключением компьютера. Последнее было самое страшное. Миша до сих пор помнил, как она позвонила однажды при всем классе родителям Ромки за устроенную им драку — и как Ромка был лишен компьютера до конца четверти. Это было страшно. И хотя мама Миши никогда не брала трубку, все-таки и она могла иногда начать его воспитывать.

Обычно воспитание это начиналось с вопроса:

— А почему мне опять из твоей школы звонили?

— Да она дура, — отвечал всегда Миша.

— Да у тебя все дураки, кроме тебя. Вов, поговори с ним.

И дядя Володя, если был трезвый, бубнил про себя:

— Да оставь пацана, я в восьмом классе уже работал.

А если был пьяный, давал легкий подзатыльник.

На этом обычно все заканчивалось. Иногда мать добавляла:

— Еще раз позвонят, получишь.

Но Миша всегда после таких разговоров уходил на улицу — и последние слова слышал уже на лестнице.

Миша вообще старался бывать дома как можно реже. В отличие от своего брата, который из дома почти не выходил.

С Сережей вообще никогда не было проблем. И двоек он не получал. Он был очень послушным и тихим. И домашние задания делал всегда — у него даже были отдельные тетради по всем предметам, которые он никогда не забывал. Мишу это жутко бесило, потому что учителя всегда их сравнивали — и Сережу ставили на первое место. «Небо и земля», — говорили они.

— Почему у Сережи есть желание учиться, а у тебя нет? — спрашивали Мишу.

Сережа с детства был таким. Никогда никому не возражал. Готовил матери, если она была пьяная, ходил за бутылкой, выносил мусор, гулял с собакой. Делал уроки.

Миша же со всеми только огрызался. Хлопал дверью, уходил и никогда ничего не делал. Он не мог делать, если не видел смысла. А смысла он не видел.

Урок русского, если был в середине дня, начинался с ругани. Кто-то из учителей успевал пожаловаться, кто-то что-то уже наговорил. Она обычно заглядывала в дисциплинарный дневник, где учителя выставляли оценки классу за урок и писали замечания, и начинала одно и то же.

— Что опять произошло на математике? — спросила она. — Почему записаны Костя, Миша, Дима?

— Чего? — Костя громко закричал. — А я чего? Я писал.

— Я тоже писал, — сказал уже спокойнее Дима. — Я могу тетрадь показать.

— Это Примаков не писал. — Костя никогда не мог сразу успокоиться и всегда еще пол-урока доказывал, что прав. — Из-за него все опять.

— Миша, ты опять ничего не делаешь?

Миша тяжело вздохнул:

— Я делаю.

— Ничего он не делает! — крикнул Костя и повернулся к Мише: — И из-за него всех всегда записывают.

— Я делаю, отвали, — огрызнулся Миша и привстал со своего места.

— Ладно, — она всех успокоила, — идем дальше.

И опять же, если урок был в середине дня, Мишу она не трогала. Видимо, считая, что на сегодня двоек с него хватит.

И сегодня, обходя всех с проверкой домашнего задания, сделала вид, что у Миши оно есть.

И на ее уроках Миша всегда сидел за первой партой — вместе с той Леной, которая от него отворачивалась.

Лена всегда возмущалась и просила отсадить ее от него, но каждый урок русского Миша садился рядом с ней.

Лена пришла в их класс недавно — в середине того года. Она училась не очень хорошо, даже скорее плохо, но она была девочка, на уроках тихая и спокойная, и получала свои тройки, а иногда и четверки. Такие оценки Мише и не снились — и поэтому она была для него недосыгаемой.

Любого новенького всегда сажали с Мишей, потому что никто из стареньких с ним сидеть не хотел. И сначала Лена молчала и терпела Мишу, но к маю освоилась и заявила классной твердо, что в сентябре с ним сидеть не будет. Но с их классной так было нельзя. Все это знали. Можно прогулять один день в школе, и, если в этот день не было математики или физики, она простит. Можно не пойти на физику или искусство. Можно даже закосить под больного и не сделать какое-нибудь задание на уроке. Но заявить, что ты не будешь выполнять ее требования просто так — этого было сделать нельзя. Поэтому в сентябре Миша по-прежнему сидел за первой партой. И постепенно привыкал к Лене.

К тому, что она каждый раз отворачивалась от него. И к ее длинным светлым волосам, которыми так восхищались все учителя. И к тому, что она все время болтала. И даже когда Миша, тихонько сидя, засыпал под чей-нибудь монотонный пересказ параграфа, ее голос звучал у него в голове и мешал полностью отключиться. Правда, с ним Лена не разговаривала. Она отгородила в сентябре свою часть парты от его и забыла о Мише.

— Опять спишь? — Голос классной звучал совсем рядом с ним. Но звучал не настороженно и грубо, а как-то даже ласково. Что показалось Мише еще более подозрительным.

Миша научился различать настроения учителей по их голосу. Если говорили раздраженно — лучше не спорить и делать, что просят. Если устало, можно помолчать. Если грустно — лучше согласиться, но можно не делать в итоге ничего. Но если говорили ласково, то тут Миша терялся. Тут либо жди подвоха, либо... Миша даже не знал, чего. И в таких ситуациях он молчал и оборачивался вокруг себя, чтобы узнать — а что все делают.

Все что-то писали в тетрадях. Он посмотрел на доску — «Работа над ошибками».

И вспомнил, как на лестнице она дала ему тетрадь. Он достал ее и открыл. И опять перед его глазами замелькали красные точки, его исправленные слова и буквы.

— Тебе нужен отдельный словарь, — сказала классная и положила перед ним книгу.

Лена заглянула в его тетрадь и засмеялась.

— У тебя ошибок больше, чем у всех. «Ча-Ща» — с буквой «я».

— Лена, смотри в свою тетрадь, — одернула ее классная, — у тебя не меньше.

Миша отгородился словарем от всех и медленно, корявым почерком написал:

«Двадцать седьмое сентября.

Работа над ошибками»

Это было первое, что он написал осознанно за сегодняшний день.

На историю Миша решил не идти. Во-первых, у него были неплохие оценки. А во-вторых, кабинет истории находился рядом с кабинетом физики. А встречаться с физичкой Миша никак не хотел.

И он спустился в перемену вниз, чтобы по возможности ускользнуть с каким-нибудь классом на улицу.

«Вниз» — это на первый этаж. Где находился учительский туалет, куда самые смелые бегали на уроках курить, кабинет информатики, куда был проведен WI-FI и где скапливалось больше всего людей, и кабинет труда — откуда раз в неделю, когда шла готовка, вкусно пахло. Еще внизу находилась раздевалка и стойка охранника, через которую Мише и надо было проскочить на свободу. Но проскочить через которую было сложно, потому что охранник выпускал всех только с учителем или же по записке. Другого пути из школы пока не было. Дверь начальной до трех часов была закрыта.

Внизу в перемену всегда царила жизнь. И все, кто имел хоть какое-то отношение к этой школьной жизни, в перемену стекались сюда. Здесь уже не имело никакого значения, хорошо ты учишься или нет. Как от тебя пахнет и сколько у тебя карманных денег. Есть ли у тебя планшет и из какого ты класса. Здесь было важно только одно — говно ты или нет.

Миша опустился на лавочку недалеко от охранника, чтобы видеть — кого он выпускает на этой перемене. Но он не выпускал никого. Еще ни у одного класса не кончились уроки. Девчонка из старших уходит, показав записку, которую, скорее всего, написала сама. Парень на домашнем обучении уходит. Больше никто. Миша вздохнул и отчаянно захотел курить. Рядом с ним сел Колька и тоже вздохнул.

— Не свалить? — спросил он, видя, как Миша смотрит на охрану.

— Неа. Нет покурить?

— Ща звонок будет, сходим. Вовка на охране?

— Не, другой.

Колька посмотрел внимательно.

— Не, этот не выпустит. Иди через физрука. У него окно всегда открыто.

— А как я пройду?

— Так физрук в начале урока с нами сидит. Построение всякое. Зайдешь к нему и вылезешь в окно.

— Не знаю. Стремно как-то. Ты лазил?

— Я — нет. Но пацаны лазили.

Подожли Саша с Даней — одноклассники Миши. Постояли — поржали. Потом отошли на «женскую» половину лавочек, где сейчас сидели девчонки-шестиклассницы и кое-кто из Мишиного класса.

— Пойдем к девкам? — сказал Коля.

— Не, не хочу. А чего тебе к девкам?

— Да я вашей Ленке хочу предложить гулять. Че думаешь?

Миша посмотрел на «женскую» половину. Рядом с привычными девчонками сидела и Лена, которую раньше Миша здесь никогда не видел. Сидела и расчесывала свои длинные волосы. Ее красивый рюкзачок лежал рядом с другими рюкзаками — грязными и серыми.

— Предложи.

— Или ты с ней того? — Колька так громко заржал, что Миша послал его и отвернулся. — Да ладно, я так.

Лена уже убрала расческу и достала зеркала. Саша и Даня носили шестиклассниц на плечах — те громко визжали.

Колька посмотрел на часы.

— Ну пойдем, замутим.

— Пошли.

Мужской туалет был на третьем этаже. Обычно учителя должны были дежурить около туалета, чтобы не курили. Но со звонком все бежали по классам. И кто-то, кто не спешил на урок, мог спокойно покурить.

Они зашли, закрыли дверь. Никого уже не было. Встали около окна. Колька достал две сигареты «Winston».

— Ого, — сказал Миша.

— Да. У отчима сташил.

Хотя никакого отчима у Кольки не было. У него вообще настоящих родителей не было. Его взяли из детдома, когда тот уже был большой. Поэтому отцом он его не называет. А отчимом — самый раз.

Они закурили. Курили молча, чтобы слышать, если кто-то придет.

Курили до последнего затяга, потому что не знали, когда еще удастся так спокойно постоять.

— На «Ухтому» придешь? — спросил Миша.

— Не знаю. У меня сегодня день плохой, — сказал Коля, — две пары уже есть.

А еще география.

Миша махнул рукой.

— Такая же штука. Выходим по одному. Чтобы не напороться, если че.

— Давай. Я первый. Я тебя не видел. Ты меня тоже.

Колька пожал Мише руку, стукнул по плечу, как показывают в фильмах.

— Слушай, у тебя, если с Ленкой че, ты скажи. Друзья важнее.

— Да нет ничего. Гуляй. Только она не будет. Ты ее видел?

— Видел, — и Колька покривлялся перед окном, изображая девчонок перед зеркалом. — Ну ладно. Давай.

И он ушел. Миша еще постоял немного, посмотрел в окно. В их туалете всегда неприятно пахло — и Миша поморщился. И уже почти пожалел, что не пошел на историю.

Историю он любил. Ему нравилось читать про всякие события и людей, которые были не всегда хорошие, но которые меняли мир. Нравилось, как рассказывает Наталья Игоревна. Он всегда называл ее только по имени-отчеству. Как-то так повелось. Других так не называл. Ему нравилось пересказывать параграфы и даже рисовать таблицы с датами. Ему все нравилось. Но делать нечего — завалиться после звонка, да еще с таким запахом, он уже не мог.

Он тихонько выглянул из-за двери, осмотрелся. Туалет находился рядом с кабинетом истории. Почти напротив — физика. И у нее, как всегда, открыта дверь. Миша осторожно вышел и, прижимаясь к стенке, пошел к выходу. Но у физички такой слух, что она слышит все. Она резко вышла из своего кабинета и остановила Мишу.

— Вот ты где, — сказала она. — А на первом уроке где был?

— Я проспал. Классная знает, — как можно тише сказал Миша, чтобы Наталья Игоревна не услышала и не вышла тоже.

— А мне классная ваша не нужна, я и сама матери позвоню.

— Хорошо.

— И почему от тебя сигаретами пахнет?

— В туалете курят.

— Неправда. Не курят. Я сама заходила, смотрела.

«Эта может, да», — подумал Миша. Другая бы не зашла ни за что. Когда дежурила молодая немка — курили все. А с этой — да. Даже старшеклассники терпели до конца уроков.

— Я пойду. У меня физра, — соврал Миша.

— Как хочешь, только «три» я тебе не поставлю. Так что думай.

Но Миша уже развернулся к лестнице, сделав вид, что спускается на первый этаж.

Она скрылась у себя в кабинете так же внезапно, как и появилась.

Миша спустился вниз и сел на лавочку.

— Выгнали? — спросил охранник.

— Ага, — сказал Миша.

Охранник понимающе кивнул. Выгоняли нечасто. Но случалось. И у тех, кого выгоняли из класса, было два места сбора — мужской туалет, независимо от того, девочку выгнали или мальчика, и лавочка внизу. Бывало даже, что пацаны из разных классов договаривались встретиться здесь на определенном уроке — и тогда специально доводили учителей. Но это было редко. Обычно это происходило случайно. Но Мишу не выгоняли никогда. Не любил он скандалов.

Миша решил не сбегать. А дожждаться физры и вылезти на перемене в окно, как сказал Колька. Он растянулся на лавочке и закрыл глаза. И тут же перед ним возникла Лена с ее длинными волосами и зеркальцем. Он вздрогнул, открыл глаза. И тут свершилось чудо. Место охранника было пусто. Охранника не было. Миша вскочил. Забрал свою куртку из раздевалки и метнулся к двери. Бесшумно открыл ее и вышел. Постоял немного на пороге, еще не веря своей свободе. Сентябрьское яркое солнце было высоко и жизнерадостно светило Мише прямо в лицо.

Он улыбнулся впервые за этот день и больше не жалел о прогулянной истории.

7

Заброшенный завод рядом с домом — место общего сбора их дворовой компании — коротко назывался «Ухтомка», потому что завод был когда-то имени какого-то Ухтомского. Правда, кто такой Ухтомский, ни Миша, ни кто бы то ни было из их компании не знал.

Он как-то спросил у Жеки, кто такой Ухтомский, но Жека, который, казалось, знает все, махнул рукой:

— Да хрен, наверное, какой-нибудь.

«Ухтомка» — это было отдельное государство. Там был свой порядок. Свой глава. Это был Жека. Парень из другой школы — через дорогу от Мишиной. Он был всех старше — перешел в девятый класс. И уже строил планы на будущее.

— Надо идти в «Гагару», — говорил он. — В «Гагаре» жизнь. У меня друг учится. Пришел — уже три. Конспект написал — четыре. Че-то там ответил — пять. И домашки нет.

— Как нет домашки? — спрашивали все.

— Ну нет. Конспекты пишешь — и все. Это вместо домашки.

— А если не будешь писать?

— Ну не пиши. Тогда выпрут.

«Гагара», или «Гагаринка», — это был лицей имени Гагарина. Находился он в центре города, принимали туда без экзаменов, с любыми оценками, учили бесплатно — и этот лицей был спасением почти для всех Мишиных друзей. Все, кто еле-еле дотягивал до девятого, с тройками выпускался из школы и у кого не было денег на московские колледжи, — шли сюда. Нет, была еще сельскохозяйственная академия, которую все называли «Сельхоз-навоз», — но учиться в «Сельхоз-навозе» не одно и то же, что учиться в «Гагаринке».

И самому Мише пророчили тот же самый лицей. Но сам Миша о нем не думал, а только отнекивался:

— Я же не дурак — я не пойду в «Гагару». В «Гагаре» одни дураки учатся.

И Мишу всегда бесило, когда учителя после очередной его двойки отсылали его в этот лицей. Особенно, если его отсылала Наталья Игоревна.

— А куда ты хочешь пойти? — спрашивала тогда она.

— Я хочу в юридический. У меня же по истории хорошие оценки.

Но она как-то странно улыбалась.

— Но, кроме истории, в юридический надо еще и русский, и математику.

Это Миша знал и без нее. Но с русским и с математикой ничего поделывать не мог.

И Жеке даже не заикался про юридический.

Возражать Жеке не полагалось. Тем более что его уважали. У него была важная роль. Без его ведома никто не возьмет лишнюю сигарету или пачку сухариков. Он всегда точно знал, кто сколько принес в общую кучу. Без него нельзя было разжиться алкоголем, если такое случалось. Он должен был за все отвечать. И все держать под контролем.

Кроме Жеки, на «Ухтомку» постоянно ходили тот самый Колька — из параллельного, Темка — из младшего, и Леха, который толком нигде не учился. А формально числился в шестом классе на домашнем обучении, но появлялся на нем раз или два в месяц, чтобы только не подавали в розыск. Девчонок у них почти не было. Иногда приходили Катька с Дашей — две подружки из седьмого класса, всегда ходившие вместе — но редко, потому что учились плохо, а за каждый звонок из школы их сажали под домашний арест.

Вот и вся их компания.

Но сегодня Миша был один. Он пролез через дырку в заборе — так было быстрее. Обошел здание завода кругом и забрался на теплотрассу. Несколько кошек, громко взвизгнув, прыгнули вниз, с труб, испугавшись Миши, хотя он и не собирался их трогать. Он прошел по трубам до конца здания, где когда-то располагался один из цехов, и прыгнул вниз. Здесь — в промежутке между двумя зданиями и находился их «штаб» — небольшое место, скрытое от всех с двух сторон стенами завода, с третьей стороны — теплотрассой, а с четвертой — забором. Идеальное место, про которое никто не знал, кроме бродячих собак и бездомных кошек. То, что надо.

Когда-то давно сюда были притащены какие-то найденные на помойке кресла и несколько досок, из которых был сколочен стол. Кресла давно вымокли, но в сухую погоду на них можно было даже спать. А на «столе» раскладывали все, что удавалось найти за день. Была даже своя «кладовка» — место за трубой, защищенное от дождя, куда заныкивали все самое ценное. Так что получалась почти квартира.

Миша порывлся в «кладовку», нашел пачку сигарет и половину шоколадки. Забрался с ногами на кресло и закурил. Вторая сигарета за день — это что-то. Все проблемы и беды сразу отходят на второй план. Все становится не важным. Ни пропущенная контрольная по физике, ни прогулянная история, ни две подряд пары по алгебре, ни даже тетрадь с сочинением, в котором ошибок больше, чем у всех.

Ни Ленка.

Миша представил, как Колька приведет ее, такую красивую, почти хорошистку, сюда — в эту дыру. И Мише стало смешно. Он громко рассмеялся — его все равно здесь никто никогда не услышит. Потом съел шоколадку, закрыл глаза и заснул.

Ему снился завод. Бесконечные коридоры полуразрушенных зданий, из которых он не мог найти выход. Он шел по ним, спотыкался о железные палки, падал, но вставал и шел дальше. Бесконечно долго, и всюду были стены, грязные от осыпавшейся штукатурки, он пачкал о них руки. И откуда-то шел свет, но он не мог

понять откуда и возвращался снова и снова в одни и те же лабиринты. И завод на- поминал большого огнедышащего дракона, медленно умирающего. Как в фильме.

Разбудил Мишу звонок мобильного. Было уже темно.

— Ты где? — звонил Сережа.

— На «Ухтомке». А че?

— Ты хлеб взял? Мать орет. Приходи.

— А че, они уже дома?

— Давно. Мать, кажись, уволили опять.

— Пьяная, что ли?

— Ага.

— Ну ща приду.

— Хлеб возьми.

— Да в рюкзаке он.

Миша посмотрел на телефон. Было почти семь. Значит, он проспал здесь один весь день.

8

— Ну и где ты ходишь?

Мать из комнаты услышала Мишу, но не вышла.

— Нигде. В школе был.

— В школе он был. Время сколько?

Сережа с дядей Володей сидели на кухне, жарили что-то в сковородке.

— Есть будешь? — Дядя Володя был выпивши, но не такой, как мать.

— А че есть?

Миша достал из рюкзака хлеб и положил на стол.

— О, — сказал дядя Володя, — молодец, пацан.

Миша открыл сковородку — там была картошка. Скорее всего, Сережа нажарил перед приходом матери. Но раз она пьяная — есть не будет.

Сережа разложил всем картошки, налил чай. Дядя Володя открыл себе пиво.

— Ну как в школе? — спросил он.

— Нормально, — сказал Сережа. — А мать что, опять уволили?

— А кто ее знает. Иди спроси.

Дядя Володя работал охранником в «Пятерочке» рядом с домом. Работал два через два. И два дня был веселый, когда выходной. А два дня злой и неразговорчивый. А выпивши был всегда. Но даже очень пьяный, он был не такой, как мать. Никогда не грубил и не поднимал руку ни на нее, ни на них с Сережей. Только однажды замахнулся, но мать тогда сказала:

— Их отец родной никогда не бил, и тебе не позволю.

Больше он воспитывать их не пытался.

С их матерью он познакомился там же — в «Пятерочке». Она тогда работала уборщицей. Но недолго. Она вообще нигде долго не задерживалась. Пить так, как дядя Володя, она не умела. И если начинала, останавливалась только через неделю. Иногда дольше. Новая работа, месяц-два — и опять то же самое. Потому и трубку из школы не брала. Боялась, что придут домой. Однажды и правда пришли.

Год назад — когда Миша был в седьмом классе. Он тогда только познакомился с «Ухтомкой», пропадал там сутками и не ходил в школу.

Мать позвонила ему днем, чего не случилось никогда.

— Быстро домой.

И они были уже там — классный руководитель и еще одна, кого Миша пока не знал.

Они стояли в дверях комнаты, осматриваясь.

Миша остался стоять в коридоре.

Мать как раз только уволили — и она, еще не совсем вышедшая из запоя, но уже соображающая, что к чему, оправдывалась.

— Да они у меня такие непослушные. Попробуй, заставь их. Я же их не бью. Ты что, в школу неделю не ходил? — уже Мише. — А где ты был? Утром выходит, как положено — в восемь утра. Куда ты ходил?

Миша молчал.

— А почему у вас комната в таком состоянии? — Классная и та, незнакомая, переглядывались. — Где у вас мальчики спят? У вас даже постельного белья нет.

Они посмотрели на Мишину кровать. Пустой матрац, вместо одеяла какое-то покрывало, подушка без наволочки. И груды вещей.

— Да они пачкают все. — Голос матери. — Миш, достань простыни.

Миша не шевелился. Ему казалось, он сейчас заплачет — и только присутствие этих двух заставляло его терпеть.

Он прошел мимо них и тоже заглянул в комнату.

Душный запах кошки, закрытые наглухо окна, пролитая миска с водой — разводы от грязи на полу, орущий телевизор, остатки какой-то еды в сковородке. И мать сидит на кровати.

— А где он у вас делает уроки? — спрашивала классная. — У него должно быть рабочее место. Стол, лампа. И вы вещи ему стираете? Все говорят, что от него пахнет. С ним же никто дружить не будет.

— Миш, заведи машинку, — крикнула ему мать.

Миша собрал все свои вещи с кровати и отнес в ванную, лишь бы не видеть все это.

Заглянула классная:

— Она не пьет сейчас?

— Нет, — сказал Миша, — уже нет.

— Работает?

— Не знаю. Я приду в школу.

— Ладно.

Он включил воду и выключил только тогда, когда они ушли.

Дядя Володя допил пиво, вздохнул и достал пакетик с соленой рыбой.

Больше говорить было не о чем. Миша быстро поел, бросил тарелку в раковину.

Сережа мыл посуду.

— Вынеси мусор, — сказал ему дядя Володя.

— Я вынесу, — вызвался Миша. Он хотел выйти на улицу — подышать на ночь — от сладкого запаха пива начинало тошнить.

Он собрал со стола крошки, бросил их вместе с грязной тряпкой в мусорное ведро, скинул туда же уже пустые бутылки и понес ведро в коридор. По дороге собрал еще бутылки и, не одеваясь, пошел выбрасывать.

Кошка увязалась за ним. Он хотел откинуть ее ногой, как делал всегда, но передумал. Погладил по спине — кошка выгнулась и что-то промурчала в ответ.

Когда пришел, мать уже спала и громко храпела. Дядя Володя сидел на кухне и курил. Сережа делал какие-то уроки, лежа на своей кровати. Миша разделся, завалился к себе на верхнюю половину.

— Серег, завтра разбуди меня — первая литра.

— Давай.

И закрыл глаза. Потом вдруг вспомнил, что не сдал тетрадь для сочинений и должен был доделать дома эту самую работу над ошибками. И завтра на литре она ее соберет. Мысленно выругался, порылся в рюкзаке, достал тетрадь. Открыл.

Прочитал начало своего сочинения, исчерканное красным:

«Когда я вырасту я буду счастлив потомушто я буду жыть один. Уменя будит большой дом и машина и много денег. А еще я куплю завод накотором мы с пацанами всегда тусим. И я буду нанем работать пока ни стану старым»

Потом взял ручку и стал тщательно и как можно аккуратней выводить первое неправильное слово.

«СЧАСТЛИВ, СЧАСТЛИВ, СЧАСТЛИВ»

А ниже написал:

«ЧА ЩА пишится с буквой А».

Закрыл тетрадь. Убрал обратно.

— Сереж, — позвал брата.

— А.

— Ты спишь?

— Нет, стих учу. А че?

— Ниче. А почему завод называют Ухтомского? Кто это такой?

— Не знаю. У исторички спроси.

И Миша отвернулся к окну.

— Сам спроси. Че я, дурак, что ли, — спрашивать ерунду всякую.

Тем более еще надо отчитаться за прогул.

